
open to direct experience, revealing to man the way out of the phenomenal world. In the long term, technology is capable of creating a reality that will ensure involvement with creative energies, which means liberation from space, time, objectification, and finally, from death. This is not just a question of digitizing experience and related changes, but also of the world that can be discovered with this experience. Using the language of Russian religious philosophy, Berdyaev characterized the capabilities of future technology dualistically, and in fact answered the questions posed by modern media philosophy. This questions regard the ontology of media reality, and the concepts of "creativity", "bestialism", "anthropogeny", "personalistic revolution", "organized bodies", "machine eschatology" are revived in media reality analytics.

Philosophy of media, media reality, technology, objectification, aura, organized bodies, personalistic revolution, spiritualizing machines, decline of thingness

УДК 130.2

Д. К. Стожко

Уральский государственный экономический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. А. СОРОКИНА)

Анализируются взгляды П. А. Сорокина в области социокультурной детерминации социально-экономического развития общества. Обосновывается особая роль рассматриваемых идей в развитии экономической мысли XX в., их преемственный характер от «русского религиозного ренессанса» и русской экономической науки, а также принципиальные отличия от современного экономического либерализма, определенным ответом на который они являются. Несмотря на некоторые проблемные и дискуссионные положения концепции социокультурной динамики П. А. Сорокина, выводы о влиянии культуры на экономические процессы подтверждаются современной хозяйственной практикой.

Аксиология, динамика, культура, социальное взаимодействие, социальные группы, развитие, экономика

В настоящее время в условиях новейшей промышленной революции и перехода к новому технологическому укладу происходят существенные ценностные трансформации рыночной экономики. Это находит свое отражение и в аберрации фундаментальных ценностей национальных культур в контексте современного глобализма. Экономическое развитие во многих отношениях обусловлено и опосредовано уровнем культурного развития общества, и наоборот. Взаимосвязь между культурой и экономикой многопланова и многомерна, поэтому анализ вклада П. А. Сорокина в исследование этой взаимосвязи представляет собой не только чисто теоретический, но и вполне практический интерес. Своевременное понимание и правильное воздействие на культурные трансформации позволяет не только корректировать само экономическое развитие, но и решать многие другие вопросы, среди которых наибольшую важность представляет вопрос о развитии самого человека, его духовности, интеллекта и качества его жизни.

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) – выдающийся социолог, экономист и культуролог XX столетия. Осуществленный им в своих работах научный синтез экономической теории, культурологии и социологии представляет собой своеобразное аксиологическое и междисциплинарное поле, в котором развиваются современные гуманитарные науки, на стыке которых в истекшем столетии и были осуществлены наиболее яркие от-

крытия и достижения. Именно в этой области были сформулированы и разработаны концепции конвергенции, ноосферы, автотрофности, социальной мобильности, социальной кооперации и многие другие идеи, определившие динамику и характер не только развития экономической науки, но и самой хозяйственной практики.

Характерно, что хозяйственная жизнь современного общества, благодаря П. А. Сорокину, стала еще более предметно рассматриваться не только с социологической, но и культурологической точки зрения. В этом смысле П. А. Сорокин продолжил традицию, заложенную в отечественной науке Н. Х. Бунге, А. Д. Нечволодовым, Н. Х. Озеровым, Д. И. Пихно, Л. В. Тенгеборским, В. В. Чижевским, А. П. Шиповым, А. К. Шторхом, И. И. Янжулом, В. Г. Яроцким и другими учеными-экономистами, которые критиковали экономистов-прагматиков за отказ от нравственного подхода и нравственных оценок хозяйственной деятельности.

Прямым результатом этой конструктивной критики стала разработка теорий социальной справедливости, социальной ответственности, социальной безопасности, национальной экономики и др.

Здесь уместно вспомнить известное суждение Й. А. Шумпетера о схожести и различиях между экономическим анализом и экономической социологией. Общее между ними состоит в том, что предметом изучения является поведение людей [1, с. 264–265].

Можно, думается, с определенной долей условности, сказать, что П. А. Сорокин стоял у истоков институциональной экономической теории. Проблема ценностной детерминации хозяйственного поведения людей была одной из центральных в его сочинениях. Практически одновременно с работами П. А. Сорокина стали появляться и сочинения американских экономистов-институционалистов Т. Веблена, Дж. Коммонса, У. К. Митчелла и др. Однако в отличие от них, акцентировавших внимание на влиянии институтов государства и права на экономическое развитие общества, П. А. Сорокин делал акцент на культуру и ее ценности. Именно такой аксиологический подход определял его социологический анализ при изучении разных культурных и экономических систем.

Этот подход составляет важный контекст современной экономической науки, поскольку любой исследователь экономического поведения людей в своем анализе исходит из определенных концептуальных положений, определяющих характер и методику изучения социальной реальности [2, с. 446].

Естественно, что одним из центральных вопросов институционализма и раньше, и сейчас остается вопрос о государстве и его роли в хозяйственном развитии общества. Точнее, должно ли государство вмешиваться в это развитие и осуществлять свою экономическую политику, которая всегда отражает характер самого государства и его конкретных представителей, или же оно не должно вмешиваться в хозяйственные процессы и заниматься исключительно политическими вопросами: охрана правопорядка, безопасности граждан, экологии и т. д.

Но есть и другой аспект этого вопроса. Он касается того, *как* именно государство может вмешиваться в хозяйственный процесс (о невмешательстве государства большинство современных экономистов уже не говорит). Иначе говоря, как институт государства воздействует и должен воздействовать на экономику: прямо или косвенно, *apriori* или *aposteriori*, директивно или индикативно, приоритетно или комплексно? И какие мотивы, стимулы, санкции, установки оно должно ставить во главу своего вмешательства в хозяйственные процессы?

Свои ответы на эти вопросы П. А. Сорокин пытался дать в разных своих сочинениях. Важно отметить, что ученый различал многообразие типов государств и, соответственно,

понимал различное их влияние на социально-экономические процессы. При этом взгляды П. А. Сорокина по данному вопросу постоянно эволюционировали. Если в начальный период своей научной и политической деятельности он искренне верил в необходимость государственного регулирования экономики, с оптимизмом глядел в будущее, то в конце жизненного пути все надежды он возлагал на культуру и ее ценности. Понимая, что любое государство – это всего лишь люди со свойственными им достоинствами и недостатками, пороками и добродетелями, интересами и потребностями, он видел спасение в культуре как системе высших, абсолютных, универсальных ценностей.

Можно выделить три периода в его творчестве: до октября 1917 г.; с октября 1917 по 1922 г.; с 1923 по 1968 г. В 1922–1924 гг. П. А. Сорокин жил в Праге, где работал профессором Пражского университета. После переезда в США он сначала получил должность профессора университета в Миннесоте, а с 1930 г. стал профессором Гарвардского университета, где и проработал до самой смерти.

В рамках первого периода сформировалась личность П. А. Сорокина как ученого, политика, гражданина. С 1906 по 1918 г. он состоял в партии эсеров, после Февральской революции был депутатом I Всероссийского съезда народных депутатов, успел поработать секретарем Главы Временного правительства А. Ф. Керенского и занимал должность профессора Сельскохозяйственной академии. В этот период вышли его работы «Преступление и кара» (1913), «Преступность и ее причины» (1913), «На распутье трех дорог. Война и отношение к ней русской общественной мысли» (1915), «Знание как фактор поведения» (1916), «Кризис современной семьи» (1916), а также масса статей и очерков.

Октябрьскую революцию П. А. Сорокин не принял. Насильственные действия и террор вызвали у него отвращение, а разгон Учредительного собрания, на выборах в которое партия эсеров получила подавляющее число голосов, стал водоразделом в отношениях П. А. Сорокина и советской власти [3, с. 561]. Идеологическое противостояние едва не закончилось для него расстрелом – приговоренный к смертной казни он чудом избежал гибели: по личному указанию В. И. Ленина, которому П. А. Сорокин направил письмо с обещанием не заниматься больше политической деятельностью, ученого отпустили. Но в сентябре 1922 г. его выслали из СССР.

В советский период своей научной деятельности П. А. Сорокин написал ряд известных работ: «Демократия и ее политические задачи» (1918), «Социальная аналитика и социальная механика» (1919), «Система социологии» (1920), «Общедоступный учебник по социологии» (1920), «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей» (1922), «Состояние русской социологии за 1918–1922 гг.» (1922), «Голод и идеология общества» (1922), «Война и милитаризация общества» (1922).

П. А. Сорокин одним из первых российских ученых основательно проанализировал революционные события 1917 г. и их последствия для социально-экономического развития страны. Это нашло свое отражение в его работе «Современное состояние России», вышедшей уже после его высылки из СССР (1923). Он отрицательно оценивал итоги деятельности советской власти [4, с. 446–447], а последствия военного коммунизма и голод 1921 г. он считал трагедией народа.

Такие оценки, естественно, не нравились новой власти. В своей статье «Ценные признания Питирима Сорокина», посвященной критике взглядов ученого, В. И. Ленин упрекал его в ошибках и просчетах [5, с. 165]. Но при этом Ленин прекрасно знал, что его заочный оппонент в тот момент находился в тюрьме в ожидании расстрела. Критикуя

П. А. Сорокина, вождь советского пролетариата отмечал: «Питирим Сорокин не прав, когда пишет, что работа в области науки «всегда полезна». Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе» [5, с. 166]. Подменяя понятие научной работы понятием пропаганды, В. И. Ленин сам оказался глубоко неправ.

Польза научной работы отнюдь не сводится к пользе от ее результатов. Ошибки и просчеты – это тоже польза, накопленный опыт, новые знания. Креативный характер научной работы необходимо отличать от рутинного труда ученых, которых современная бюрократия заставляет писать кучу отчетов, составлять формальные планы, разрабатывать «новые» программы и методические материалы. Отнимая время у ученых, бюрократия отнимает у общества будущее. Не желая участвовать в подобном спектакле, П. А. Сорокин честно и открыто критиковал советскую бюрократию.

После переезда в США начинается третий, «американский период», в научной деятельности П. А. Сорокина. Как покажет будущее, этот период стал наиболее плодотворным в работе ученого. В 1937 г., оказавшемся роковым для многих российских ученых, оставшихся в СССР, в США выходят первые три тома фундаментальной работы П. А. Сорокина «Социальная и культурная динамика». В 1965 г. П. А. Сорокин избирается Президентом Американской социологической ассоциации.

Центральной проблемой раннего творчества П. А. Сорокина была проблема социального взаимодействия. В принципе вопрос о механизмах и формах социального взаимодействия лежал в плоскости более общей проблемы изучения факторов социальных изменений. Все эти факторы рассматривались социологической наукой как элементы единого процесса социального взаимодействия. Разная комбинация факторов обуславливала и разные формы такого взаимодействия, начиная с кооперации, конкуренции, управления и самоуправления и заканчивая другими, менее распространенными формами.

При этом П. А. Сорокин писал: «Явление, когда люди взаимно влияют на поведение друг друга, будем для краткости, называть взаимодействием» [6, с. 12]. И далее, развивая представления о сущности такого взаимодействия, он писал, что оно может быть двусторонним и односторонним. «Односторонним будет всякое взаимодействие двух лиц, где одна сторона влияет на поведение другой, а другая не влияет на поведение первой» [там же, с. 23].

Явное противоречие между двумя «общедоступными» определениями социального взаимодействия, из которых одно исключает другое, дополняется в учебнике по социологии молодого П. А. Сорокина еще и тем, что он упускает из виду существование *многостороннего* взаимодействия. При этом морфология социального взаимодействия у него весьма многообразна. Он выделял антагонистическое и солидарное взаимодействие, полагая солидарным такое взаимодействие, когда «стремления обеих сторон совпадают». Он также различал и другие формы социального взаимодействия [там же, с. 22–26].

Вовсе не случайно Сорокин подробно рассматривает проблему социального взаимодействия в обществе. Дело в том, что социалисты-революционеры, к числу которых тогда принадлежал сам ученый, считали необходимым передачу власти на местах органам местного самоуправления, а не государственным структурам [7, с. 187].

В связи с этим можно сделать два предварительных вывода. Первый состоит в том, что концепция социального взаимодействия, предложенная Сорокиным в «Общедоступном учебнике социологии», внутренне явно противоречива, поскольку одностороннее воздействие от-

нюдь не идентично взаимодействию, и называть одно другим совершенно неверно. Второй вывод состоит в том, что из всех форм социального взаимодействия на рубеже 20-х гг. XX в. П. А. Сорокин отдавал предпочтение социальному самоуправлению, недооценивая государственное управление и его роль в политической и хозяйственной жизни общества. Это, кстати, и есть «боязнь власти», болезнь, которой страдала и сама партия эсеров в 1917 г. [7, с. 191].

Дальнейший социологический материал учебника касается формирования и распада различных социальных групп или коллективных единств, как их называет Сорокин. Он выделяет десять основных социальных групп. Каждую из них автор учебника в свою очередь также ранжирует.

Экономическая причинность авторской типологии носит весьма условный характер. Так, по имущественному признаку Сорокин выделяет специальную социальную группу, куда входят богатые и бедные. Но при этом он не видит экономическую причинность в формировании и функционировании профессиональной социальной группы (разная доходность от различных профессий) или государственной социальной группы (привилегии и доходы номенклатуры) и т. д. Более того, ученый настаивает на недопустимости смешения имущественной и профессиональной социальных групп, рассуждая: «Нетрудно видеть, что расслоение по имуществу отлично от всех других. Часто оно смешивается с профессиональным расслоением. Это смешение ошибочно. Крестьянин-бедняк и крестьянин-кулак (богатый) принадлежат к одной и той же профессии (оба земледельцы и существуют обработкой земли). По имущественному же положению они стоят в разных группах» [6, с. 56].

Это все равно, что сказать следующее: банкир-олигарх и простой кассир в его банке – оба финансисты, т. е. принадлежат к одной профессиональной группе, но стоят в разных имущественных социальных группах. Иначе говоря, это подмена понятий. Профессией называется необоснованно род деятельности, ее направление. Но крестьянин-кулак, точно также как банкир-олигарх в действительности не занимается своей профессией. Они оба эксплуатируют других людей, их профессиональные знания и умения, присваивают созданный ими прибавочный продукт. Род их занятий – эксплуатация, которую можно называть управлением, организацией, особым талантом и т. д. Но от этого экономическая причинность разных профессиональных групп никуда не девается. Экономика лежит в основе деятельности как имущественных, так и профессиональных, государственных и партийных социальных групп.

Понимая это, П. А. Сорокин рассматривает и семейные группы. Он пишет, что на формирование и существование семейных групп оказывают влияние экономические условия [там же, с. 101]. Вводя в оборот термин «сложный фактор», ученый относит экономику к категории сложных факторов формирования и развития социальных групп и социального взаимодействия. Отмечая, что понятие «экономический фактор» толкуется в науке различно, Сорокин предупреждает читателя о том, что он «не будет конструировать свое понимание» этого фактора, поскольку возможно разное его толкование. Но интересно, что ученый не сводит понятие «экономический фактор» к категории богатства, как это часто делали прежде другие экономисты и социологи. Он только предлагает различать в структуре сложного экономического фактора, определяющего наряду с политическими и культурными факторами формирование и развитие социальных групп, конкретные элементы. Автор учебника справедливо пишет, что нельзя понять природу сложного фактора, каким является экономический фактор (экономические условия), не разложив его на составные элементы – простые факторы [там же, с. 173–174].

В тексте учебника содержатся такие простые элементы экономических условий, к которым автор обращается неоднократно: богатство и бедность, потребности и интересы,

производительные силы и производственные отношения и т. д. К сожалению, Сорокин не дает развернутой характеристики этих простых элементов сложного экономического фактора. Он также не раскрывает характера их взаимосвязи (прямая, обратная, непосредственная, опосредованная, долгосрочная, краткосрочная и т. д.). Тем не менее, вопрос о содержании такого фактора был поставлен в повестку дня.

Важной стороной экономической социологии П. А. Сорокина является его теория социальной мобильности, суть которой состоит в тезисе, согласно которому формирование, развитие и распад социальных групп определяется стремлением людей не только к сохранению, но и к изменению (к лучшему) своего положения в социальной структуре. Мобильность также бывает индивидуальной, семейной, групповой (например, корпоративной, профессиональной и т. д.). Она может быть горизонтальной и вертикальной. Основоположником этой теории считается именно П. А. Сорокин [2, с. 395]. Уместно также напомнить его выводы о существовании и ненаправленных колебаний (флуктуации) культурного и экономического развития, а также его концептуальные положения о социальной стратификации и мобильности [там же, с. 333–334, 352, 372, 380–381, 392].

В начале своего научного творчества ученый связывал развитие общества с революционными событиями, классовой борьбой, утверждал, что в капиталистическом обществе «господствует антагонизм в виде классовой борьбы» [6, с. 65]. Вероятно, именно по этой причине учебник по социологии и «был разрешен военной цензурой» [там же, с. 504].

Но со временем представления ученого о причинах и характере формирования и развития различных социальных групп и разных форм социального взаимодействия изменились. Результатом эволюции взглядов ученого стала фундаментальная работа «Социальная и культурная динамика» [8].

П. А. Сорокин прошел долгий путь к своей концепции социокультурной динамики. «Понадобилось пережить революцию, угрозу расстрела, пожить под “красным террором”, увидеть голод 1921 г., чтобы в сердце образовались новые убеждения» [9, с. 545]. Еще находясь на родной земле, ученый отказался от своих революционных представлений как несовместимых с идеалами подлинного гуманизма. Он писал: «Понадобятся десятилетия, чтобы залечить раны. Вот почему я не могу больше быть ни трубадуром, ни романтиком войны и кровавой революции. Вот почему я тихо и печально улыбаюсь, когда слышу словословия последним. Вот почему я скептически воспринимаю всякую – пассивную и рафинированную – радость и восторги перед революцией» [10, с. 489].

Интересно суждение, что эволюцию взглядов П. А. Сорокина трудно понять без учета того простого обстоятельства, что истоки его мировоззрения нужно искать в идеалах и замыслах «русского религиозного ренессанса» [9, с. 542]. Заявив еще в 1918 г. о том, что «ненависть, жестокость и несправедливость никогда не смогут построить Царство Божие на земле» [9, с. 540], ученый обратился к культуре как спасательному плоту в океане социальных конфликтов и потрясений. Отказавшись раз и навсегда от борьбы людей, он признал для себя единственно возможной борьбу идей. С сарказмом и горечью писал он о революционной борьбе людей: «Начав с ореола рабоче-крестьянской власти, гениально примазавшаяся группа проходимцев истории кончила дегенерацией и неслыханным позором и бесчестьем. Россия ненавидит ее сейчас сильнее, чем старый режим власти в самые бесславные времена последнего» [10, с. 450].

Главный научный труд своей жизни – «Социальная и культурная динамика» – П. А. Сорокин начинает с вопроса о сущности культуры и культурной интеграции. Извест-

ный лозунг «красота спасет мир» можно было бы перефразировать применительно к содержанию его книги: «культура спасет мир». Автор выделяет несколько систем культуры: а) идеациональную, в) чувственную, с) идеалистическую и d) смешанную. При этом он использует деятельностный подход к морфологии культур, различая политическую, экономическую, правовую, профессиональную культуру и искусство. Важнейшим фактором развития культуры и ее влияния на общественное развитие является интеграция культур. Особое внимание автор уделяет логико-смысловой интеграции разных культур. «Сущность логико-смыслового метода познания – отмечает ученый, – состоит в нахождении основного принципа (“основания”), который пронизывает все компоненты, придает смысл и значение каждому из них и тем самым из хаоса разрозненных фрагментов создает космос» [8, с. 49].

Используя логико-смысловой метод, П. А. Сорокин исследует влияние культуры на хозяйственное развитие на разных уровнях социальной онтологии: личностном, групповом, общественном. Он приходит к выводу, что это влияние может быть разным на разных уровнях социальной онтологии. Отсюда напрашивается вывод, что типология культур, данная Сорокиным, имеет не только общее, но и конкретное значение. Вставал и закономерный вопрос о том, возможно ли сосуществование различных типов культуры в одном обществе в одно конкретное время. Для экономики ответ на этот вопрос имел жизненно важное значение, поскольку на его основе можно было ответить и на вопрос о реалистичности самой многоукладной экономики, сосуществовании различных экономических укладов.

К сожалению, в работах П. А. Сорокина ответа на данный вопрос не содержится. Это объясняется тем, что он обнаружил постоянные колебания в состоянии самой культуры, что и попытался объяснить в первую очередь. Собственно, это и был предмет его книги «Социальная и культурная динамика». Но сама постановка вопроса об экономическом факторе развития как сложном факторе была перспективной. Сегодня социологи и антропологи рассматривают даже элементы сложного экономического фактора как внутренне сложные. Например, когда пишут о системе сложных потребностей. Признано, что «сложившееся у конкретного организма соотношение величин потребностей обуславливает его индивидуальные свойства поведения» [11, с. 191]. Чем больше у человека потребностей и чем менее они удовлетворены, тем больше действий и усилий он должен предпринять, чтобы решить эту проблему.

Однако не все так однозначно. Также суждение справедливо для трудового общества, в основе жизнедеятельности которого заложен труд и культура труда. Не секрет, что многие члены общества удовлетворяют свои растущие потребности не трудясь (наследство, коррупция и др.). Чем больше эта часть, тем менее культурно само общество. Племя дикарей может удовлетворять свои потребности за счет поголовного уничтожения своих соседей и добычи их собственности. Но в ядерный век такое перераспределение богатств уже становится все менее возможным. Современные финансовые и торговые войны за очередной передел источников сырья и рынки сбыта несут угрозу всему миру и, соответственно, требуют повышения договороспособности и культуры взаимных отношений. Так что и современная глобальная экономика детерминирована состоянием современной культуры.

Ученый исследует развитие и колебания (флуктуации) культуры в сфере живописи, музыки, архитектуры, литературы и т. д. Доходит очередь и до экономики. П. А. Сорокин рассуждает о материализме, выделяет разные его типы: гилозоистский и механистический материализм, противопоставляет его идеализму [8, с. 365–366]. Он делает вывод о том, что в развитии «нет устойчивой тенденции – есть только краткосрочные и долговременные флуктуации» [там же, с. 453]. Далее он приходит к выводу, что поступательного прогрессивного развития не существует, вместо этого наблюдаются циклические волновые колебания [там же, с. 461]. Автор

видит особенности социального развития, в том числе и экономического, в циклическом характере социокультурной динамики. Он отмечает, что прежние исследователи рассуждали об этапах, ступенях развития как линейного процесса, что было неверно [8, с. 485].

Эти рассуждения перекликаются с известным суждением Ф. фон Хайека о ложности теорий, состоявших в обосновании последовательности и прогрессивности в социальном развитии [12, с. 135]. Разница состояла в том, что австрийский философ и социолог относил подобные «заблуждения» к XIX в., а П. А. Сорокин – к XX в. Мы взяли слово *заблуждение* в кавычки потому, что считаем развитие не спонтанной и бессмысленной сменой разных ситуаций, а все-таки прогрессом, основанным на знании и соблюдении объективных законов диалектики. В том числе и экономических законов. Если исходить из понимания и соблюдения этих законов, то развитие, в том числе и социально-экономическое, представляется как поступательное и прогрессивное. Если же игнорировать требования этих и других законов, то действительно, само общественное развитие будет представляться как лишенный логики истории, бессмысленный и спонтанный переход от одних состояний общества и хозяйства к другим, порой куда более удручающим.

Далее П. А. Сорокин переходит к вопросам развития этики, в том числе и хозяйственной. Он с сожалением отмечает основные особенности современной этики: ориентацию на полезность, понимаемую в чувственном смысле, гедонизм и «помешательство на деньгах» [8, с. 534–535]. Осуждая товарный и денежный фетишизм и рассматривая их как проявления чувственной культуры, Сорокин раскрывает их природу и психологию.

Различая семейные, договорные и принудительные отношения, складывающиеся в обществе, П. А. Сорокин особое внимание уделил взаимодействию культуры и экономики в сфере социально-экономических отношений (отношения собственности, товарно-денежные отношения, социально-трудовые отношения и т. д.). В специальном параграфе «Взаимоотношения между основными типами культуры и экономическими условиями» он пишет, что «экономическая ситуация, в которой живут страны и народы, не остается неизменной, но и не обнаруживает постоянной тенденции к улучшению – она флуктуирует, становясь, то лучше, то хуже» [там же, с. 666].

Трудно согласиться с суждениями П. А. Сорокина о том, что простые люди не являются носителями культурных ценностей, что эта миссия свойственна лишь буржуазии и интеллектуальной элите [там же, с. 668]. Это отдает какой-то расовой или социальной сегрегацией. Труженики, будь то рабочий или крестьянин, являются, по нашему мнению, носителями культуры и культурных ценностей не меньше, а возможно, даже в большей степени, чем часто космополитичная и оторванная от корней традиционной культуры «социальная элита».

По мнению П. А. Сорокина экономическое положение трудящихся относительно лучше в периоды распространения идеалистической культуры, относительно хуже – в периоды распространения чувственной и идеациональной культуры. Автор пытается обосновать это на эмпирическом материале, однако логических объяснений этому не дает. Но поскольку он связывает идеалистическую культуру со *смешанным* типом культуры, то все проясняется. Дело в том, что «идеалистическая культурная ментальность – это единственная форма смешанного типа, которая является – или, по крайней мере, представляется – логически интегрированной» [там же, с. 67]. Именно такой тип культуры обеспечивает «гармоничное единство» или, как выражался когда-то Ф. Бастиа, «экономические гармонии» [13].

В конце параграфа автор вновь обращается к экономическому поведению людей и рассматривает негативные последствия от недооценки значимости материальных факторов в социальном развитии [8, с. 673].

Принципиальные различия основных культурных систем, выделенных П. А. Сорокиным, в отношении к экономической жизни общества позволяют объяснить и разные точки зрения по одним и тем же вопросам. «Экономика идеационального общества коренным образом отличается от экономики общества чувственного, и поэтому многие положения экономической теории, применяемые к одному из них, нельзя применять к другому» [8, с. 674].

Вопросы взаимосвязи экономики и культуры рассматривались П. А. Сорокиным и в других его работах. Эта проблематика имеет долгую историю. Она постепенно вызревала еще в ранних его статьях: «Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть?» (1913), «Проблема новой социальной педагогики» (1915), «Современная любовь» (1915) и др. Но именно «Социальная и культурная динамика» стала наиболее полным воплощением научных представлений автора о взаимосвязи и взаимообусловленности культуры и экономики.

Отношение к научному наследию П. А. Сорокина в настоящее время остается неоднозначным. Как и любой крупный мыслитель, он вызывает противоречивые, порой диаметрально противоположные чувства. В последнее время особый интерес вызывают три главных направления его научного наследия: социологическая теория революции [14]–[17], теория социокультурной динамики [2], [17], [18] и этико-моральные идеи [19], [20].

Социально-экономические взгляды П. А. Сорокина все еще остаются недостаточно осмысленными и изученными, в том числе и вопросы социального взаимодействия, идеи в области формирования и существования социальных групп, влияния культурных различий на экономические особенности общественного устройства и т. д. Особого внимания заслуживают также суждения Сорокина о влиянии культурных изменений на политику и общественную мораль. Синтетический характер взглядов этого мыслителя содержит в себе множество перспективных областей, в которых новые исследователи могут обнаружить много интересного и конструктивного, например в области социальной мобильности, экономической детерминации, циклических колебаний и морфологии культур.

Учение П. А. Сорокина о взаимозависимости культуры и экономики стало ответом на вызов экономического либерализма XX в. Суть его сформулировал Л. фон Мизес, заявивший, что «экономическая наука абсолютно нейтральна по отношению к любым ценностным суждениям и субъективным оценкам, так как она всегда относится к средствам и никогда – к выбору конечных целей» [21, с. 829].

Как показала вся история XX столетия, экономическая наука не может быть нейтральной по отношению к ценностям культуры, а сама идея о ее ценностной нейтральности – миф. В отличие от технических наук, в которых речь идет о механизмах, в гуманитарных науках речь идет об организмах, прежде всего о самом человеке, о личности, о социальных группах и обществе в целом.

И здесь «ценностная нейтральность» невозможна и недопустима, поскольку она ведет к выхолащиванию гуманитарного содержания, человеческого смысла в самой экономической науке и превращению ее в лженауку.

Подобно тому, как средневековые алхимики пытались добыть философский камень и превратить железо в золото, представители современного экономического неоклассицизма пытаются навязать человечеству образ «чистой», «нейтральной» экономической науки, игнорируя при этом, что вне культуры и без культуры она превращается в «запланированный хаос» (термин И. Пригожина).

Вывод о диалектической взаимосвязи культуры и экономики, глубоко проработанный и аргументированный П. А. Сорокиным, представляется серьезным вкладом в развитие концепции общественного, в том числе и социально-экономического развития. И хотя ученый

не разделял идей поступательного, прогрессивного развития общества, тем не менее его взгляды стали основой для более поздних концепций аутопойезиса (саморазвития), выдвинутых Н. Луманом, Ф. Гваттари, Ж. Делезом и некоторыми другими философами и социологами. Отвергая идею исторического детерминизма социального развития, П. А. Сорокин тем не менее признавал культурную детерминацию социально-экономического развития в качестве основы совершенствования самого человека и условий его существования. И не только признавал, но и был последовательным ее сторонником. Отмечая опосредованный характер этой связи (через менталитет, психологию и т. д.), ученый акцентировал внимание на необходимости развития и укрепления культуры, поскольку именно она оказывает наиболее благоприятное воздействие на хозяйственную психологию, экономическое сознание и поведение людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумпетер Й. А. История экономического анализа // Истоки: вопросы народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1 / под ред. В. А. Жамина. М.: Экономика, 1989. С. 248–310.
2. Радаев В. В. Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
3. Стожко К. П. История русской экономической мысли. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та бизнеса, 2008.
4. Сорокин П. А. Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 418–491.
5. Ленин В. И. Собр. соч.: в 35 т. Т. 28. 4-е изд. М., 1941–1950.
6. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994. С. 5–188.
7. История политических партий России / ред. А. И. Зевелев. М.: Высш. шк., 1994.
8. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
9. Сапов В. В. «Творческая эволюция» Питирима Сорокина // Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994. С. 541–550.
10. Сорокин П. А. Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 418–491.
11. Григорьев А. В. Антропология: от организмов к техносфере. М.: Либроком, 2009.
12. Хайек Л. фон. Познание, конкуренция и свобода. СПб.: Пневма, 1999.
13. Бастиа Ф. Социальные гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
14. Ковалев В. А. Питирим Сорокин о социологии революции // Вестн. СыктГУ. 2017. Вып. 1. С. 54–57.
15. Кротов П. П., Долгов А. Ю. От войны к миру. У истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Сыктывкар: Волга-Центр им. П. Сорокина, 2011.
16. Ломоносова М. В. Революция как социальное явление в научном наследии Питирима Сорокина // Вестн. СыктГУ. 2017. Вып. 1. С. 34–54.
17. Василенко В. В. Идеи А. С. Лаппо-Данилевского в теории социокультурной динамики П. А. Сорокина // Вестн. СыктГУ. 2017. Вып. 1. С. 111–123.
18. Петров В. Н. Кризис как состояние социальной реальности в социологической интерпретации П. А. Сорокина // Вестн. СыктГУ. 2017. Вып. 1. С. 97–110.
19. Богомягкова Е. С. «Знакомый незнакомец»: литературное наследие П. А. Сорокина [Рец. на кн.: Питирим Сорокин. Прачечная человеческих душ. Художественные произведения 1907–1923 гг. Сыктывкар, 2017 г.] // Вестн. СыктГУ. 2017. Вып. 1. С. 175–180.
20. Кротов П. П. Питирим Сорокин: от методологических основ изучения морали, альтруизма и социальной солидарности к синтезу теории и практики // Вестн. СыктГУ. 2017. Вып. 1. С. 85–97.
21. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.

D. K. Stozhko
Ural State University of Economics

SOCIOCULTURAL DYNAMICS AND ECONOMIC DEVELOPMENT (TO THE 130TH ANNIVERSARY OF P. A. SOROKIN)

The views of P. A. Sorokin in the context of sociocultural determination of the socio-economic development of society are analyzed. The author proves the special role of the ideas under consideration in the development of economic thought of the twentieth century, their succession to the "Russian religious renaissance" and Russian economic science, and also describes their fundamental differences from modern economic liberalism, which they definitely respond to. Despite some problematic and controversial ideas of sociocultural dynamics concept of P. A. Sorokin, the conclusions about the influence of culture on economic processes are confirmed by modern economic practices.

Axiology, dynamics, culture, social interaction, social groups, development, economics

УДК 316.74:1(470)

С. И. Росенко, А. А. Кумпен

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург

ВЕКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Формирование постиндустриального общества обусловило трансформацию классовых общностей, результатом которой стало качественное изменение их социального состава и критериев дифференциации. Отличительной особенностью классовой структуры современного социума стала ее многокритериальность, требующая при идентификации классовых границ комплексного использования целого ряда признаков. К их числу относятся не только отношение к собственности, уровень доходов и потребления и характер труда, но и факторы доступа к информационным ресурсам, власти и контролю, профессиональному статусу, положению на рынке труда, уровню образования и др. На основе обобщения современных западных и отечественных социологических концепций представлено исследование социальных позиций классов постиндустриального общества и тенденций их развития.

Постиндустриальное общество, социальная дифференциация, классы

Формирование информационного постиндустриального общества во второй половине XX столетия определило качественно новую ступень в развитии и организации общественной жизни. Беспрецедентные изменения привели к глобальным переменам в системе мирового социального общежития в экономической, политической и духовной сферах. Развитие высоких технологий также обусловило трансформацию социальных общностей, результатом которой стало качественное изменение их состава и критериев дифференциации. Однако постиндустриальное общество не преодолело классового расслоения, что характеризует его как переходный период «в развитии человечества, который уводит его от капитализма и социализма к более высокому общественному бытию на основе воссоединения труда и капитала» [1, с. 397]. В качестве объективных предпосылок такого перехода оно создает новые социальные группы, формирует стратегии для дальнейшего развития всей системы общественной жизни. В этой связи важное значение имеет определение социальных границ современных классов, а также установление вектора их трансформации в условиях изменившихся экономических реалий.